

**НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ
ЖИВОТНОВОДСТВОМ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЛЕКСИКЕ
РУССКОГО ЯЗЫКА XVI – XVII ВВ.**

В статье представлен лексико-семантический анализ наименований лиц, занимающихся животноводством в сельскохозяйственной лексике русского языка XVI – XVII вв. Выявлены инновации в составе сельскохозяйственной лексике русского языка исследуемого периода.

Ключевые слова: наименования лиц, занимающихся животноводством; вторичная номинация, инновация, словообразовательная модель.

Анікіна І.В. Назви осіб, які займаються скотарством у сільськогосподарській лексиці російської мови XVI – XVII ст.

У статті здійснено лексико-семантичний аналіз назв осіб, які займаються скотарством у сільськогосподарській лексиці російської мови XVI – XVII ст. Виявлено інновації у складі сільськогосподарської лексики російської мови досліджуваного періоду.

Ключові слова: назви осіб, які займаються скотарством; вторинна номінація, інновація, словотворча модель.

Anikina I.V. The names of those engaged in animal husbandry in agricultural vocabulary of Russian XVI – XVII century.

The article lexical-semantic analysis of the names of persons who are engaged in agricultural livestock vocabulary of Russian XVI – XVII century. Identified Innovation as a part of the vocabulary of Russian agricultural research period.

Keywords: names of persons who are engaged in cattle; secondary nomination, innovation, word-formation models.

Семантические особенности вторичных номинаций лица, а также их высокая деривационная активность, сложность формально-семантической структуры, широкий набор деривационных средств и способов образования обусловили пристальное внимание лингвистов к этому лексическому материалу. Современный уровень развития теории языковой номинации, деривационной ономазиологии, изучающей номинацию в сфере производных слов, активизация ономазиологических исследований, предметом которых являются «номинативные знаки во всем их разнообразии, во всей их неоднородности, во всей их совокупности и, главное, на всех этапах их формирования и принятия обществом» [8, 93], стимулировали исследования в области исторического словообразования.

В последние десятилетия получил распространение ономазиологический подход к исследованию словообразования, в рамках которого проведен анализ имен существительных со значением лица [1;2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 11;12; 13]. Агентивные наименования сельскохозяйственной сферы, наименования сельскохозяйственных специальностей в русском языке XVI – XVII вв. не были объектом специальных исследований ни в историко-лексикологическом, ни в деривационно-ономазиологическом аспектах, хотя фрагментарно и привлекались к анализу в работах по историческому словообразованию, при описании истории отдельных слов, объединенных по семантико-словообразовательному критерию [3; 5; 6; 7]. В лингвистической литературе не получил достаточного освещения и требует дальнейших исследований динамический аспект агентивных наименований в русской сельскохозяйственной лексике. Так, Л.А. Шкатова, определяя границы лексико-семантической группы названий ремесленников, отмечает: «Не включены в лексико-семантическую группу ремесленников названия сельскохозяйственных профессий типа *вельблудникъ* – «погонщик», *воловиць* – «кто ухаживает за скотом», *говядарь* – «пастух» и т.п.» [13, 54].

Всем вышесказанным определяется **актуальность темы** и выбор объекта исследования.

Цель данного исследования – изложить результаты лексико-семантического анализа наименований лиц, занимающихся животноводством в сельскохозяйственной лексике русского языка XVI – XVII вв.

Объектом нашего анализа являются наименований лиц, получившие первую письменную фиксацию в XVI – XVII вв.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих *задач*: определить состав лексико-семантической группы наименований лиц, занимающихся животноводством в сельскохозяйственной лексике русского языка XVI – XVII вв.; выделить инновации исследуемого периода в составе анализируемой лексико-семантической группы.

Наименования лиц, занимающихся животноводством, составляют одну из самых репрезентативных групп агентивной сельскохозяйственной лексики исследуемого периода. По грамматическим и лексико-семантическим характеристикам производящих основ аффиксальные НЛ сферы животноводства, в свою очередь, делятся на: а) отсубстантивные НЛ, формально-семантически связанные с названиями домашних животных и птиц. Они образуются посредством суффиксов -**никъ**, -**арь**, -**ухъ**, -**щикъ**. Суффикс -**никъ** взаимодействует с основами существительных – общими и видовыми названиями домашних животных и птиц морфологического мужского и женского рода: скоть – скотникъ, птица – птичникъ, овца – овечникъ и др.; б) девербативы, производные от глаголов, лексическое значение которых включает семантический признак объекта – «животное»; в) НЛ, производные от многозначных глаголов, лексическое значение которых не содержит семантический признак объекта – «животное», реализуется в синтагмах с объектными распространителями широкого семантического диапазона объектов.

Скотникъ. Старославянское НЛ *скотникъ* «работник, ухаживающий за скотом» образовано с помощью суффикса -**никъ** от основы существительного скот

праславянского происхождения (Др.-герм. skatts; совр.нем. schatz; ст.-сл. и др.-рус. скоть) [20 – 3, 388; 16 – 2, 310; 22, 381], т.е. по словообразовательной модели: «основа существительного + суффикс **-никъ**».

Термин **скотникъ** начинает использоваться в русском языке с XIII века со значением «тот, кто смотрит за скотом», что отражено в «Материалах» И. И. Срезневского: *Отъ великаго князя отъ Ондreja къ посадникомъ, и къ скотникомъ, и къ старостамъ* (Крм. Двин. 1294 г.) [20–3, 88], и в памятниках русской письменности, например: *Кто по волости ходит закупень, или скотникъ* (Пск. суд. гр. 3, XVI ~ XV вв.) [26].

Параллельно с термином **скотникъ** в русском языке XIV в. использовался термин **скотарь** с тем же значением «скотник». Термин **скотарь** отмечен в «Материалах» И. И. Срезневского: *Аще не подобно прележаніе творить скотарь, рекше во время на поля, и зобъ дая, и с ъно кладни, постилая и потребляя чисто да поклонится зо* (Феод.Студ.Ост.201) [20–3, 385]. В последующие периоды термин **скотарь** не употребляется. В русском языке XIV века употреблялась лексема **скотопищникъ** (**скотопитатель**) со значением «скотовод»: *Мужи настиси скотопищници* (Быт. 32. по Сп. XIV в.) [20–3, 387]. В дальнейшем эта лексема не использовалась в языке.

Начиная с XVIII века и до настоящего времени, термин **скотникъ** употребляется в русском языке с расширенной семантикой. Так, в «Толковом словаре» В. И. Даля он фиксируется с несколькими значениями: «тот, кому поручен уход за домашним скотом; скотнице поручается и дойка, и молочные скопы», «скотопромышленник» /пск./, **скотница** – «казна, казнохранилище» /стар./, «помужник, земский большак из бояр, выше старосты, ниже тысяцкого» (Стар.нвг.) [14–4, 207].

В словарях современного русского языка слово **скотник** приводится с такой семантикой: «работник, ухаживающий за скотом», «помещение для скота» /разг./, «скотный двор» [15, 767; 18–4, 119].

Поросятникъ. Лицо, занимающееся выращиванием и продажей поросят, в русском языке XVII века имело наименование **поросятникъ**. Образование возникло с помощью суффикса **-никъ** от основы существительного поросята, т.е. по словообразовательной модели: «основа существительного + суффикс **-никъ**». И. И. Срезневский в «Материалах» лексему **поросятникъ** не отмечает. Термин впервые начинает использоваться в русском языке XVII в. Приведём пример из памятника письменности изучаемого времени: *Сенка поросятникъ у него сынъ Васка* (Яросл.п.кн., 335, XVII в.) [28].

Начиная с XIX века и до настоящего времени, термин **поросятник** употребляется в русском языке с расширенной семантикой. Так, в «Толковом словаре» В. И. Даля выделяются три значения: «любитель поросят», «поросячий хлев», «большой складной нож». С последним значением термин **поросятник** употребляется в Псковской и Тверской областях. В современных словарях слово **поросятник** отмечено со значением: «помещение, хлев для поросят», например: *Следующим отделением свиарни был поросятник* [18–3, 304].

Воловникъ. Работник, ухаживающий за скотом, в русском языке XVII века имел наименование **воловникъ** образование возникло с помощью суффикса **-никъ** от основы существительного *воль*. (bos, pous...) [20–1, 296], т. е. по словообразовательной модели: «основа существительного + суффикс **-никъ**».

Впервые лексема **воловникъ** начала употребляться в русском языке со значением «работник, ухаживающий за скотом», что отмечено в «Словаре русского языка XI–XVII вв.»: *Дворъ посацково человѣка Терентья Максимова сына воловника*. (Яросл. П. кн., 186, 1646 г.). [19– 2, 317]. Данная лексема начиная с XVII в. несколько изменила семантику «погонщик волов, возчик на волах, чумак», что зафиксировано В. И. Далем в «Толковом словаре» [14–1, 238]. В «Словаре русских народных говоров» также фиксируется термин **воловник** с несколькими значениями: 1) «человек, работающий на волах, а также ухаживающий за ними»

(Рост. 1948-1950); 2) «о сильном, крепком человеке» (Смол., Пск. 1902 – 1904 г.).[17–5, 45]

Вельблоудьникъ. Лексема **вельблоудьникъ** фиксируется в древнерусской письменности с XII века. Употреблялась она в значении «владелец, погонщик верблюдов» [19 – 13, 84, 109]: *По лѣ(т) же ~диномъ вьлеблудникъ онъ иже бѣ оукраль осла. Идѣше пакы в и~р(с)ямъ пшенице продавать* Пр.1383 г.). НЛ **вельблудьникъ** образовано по словообразовательной модели «основа существительного + суффикс **-никъ**» от основы существительного **вельблудъ** – заимствования из гот. яз. (Гот. *ulbandus* в др.-рус. в результате расподобления д месте первого из них появился звук р) [20–1, 281; 22, 53]. Со значением «погонщик верблюдов» впервые лексема **вельблоудникъ** зафиксирована в «Материалах» И. И. Срезневского: *Вельблудьникъ именемъ Сергѣмъ имы вельблуды пасомы въ ближней горѣ.* (Жит. Фед. Сик. Мин. Чет. апр. 519) [20–1, 281].

В «Толковом словаре» В. И. Даля **верблюдуникъ** отмечен с несколько изменившейся семантикой: «погонщик, вожак при верблюдах» [14–1, 179].

В словниках современных толковых словарей русского языка НЛ **верблюдуник** не фиксируется.

Коровникъ (коровница). Среди новообразований с суффиксом **-никъ**, фиксируемых памятниками XVI века, выделяются косвенные номинации. Например, исследуемую эпоху именовался скотник (скотница), работник, ухаживающий за скотом. Общеславянское образование **коровникъ** возникло с помощью суффикса **-никъ** от основы существительного праславянского по корню происхождения. Звуковое формирование восточнославянское с характерным для него полногласным сочетанием **-оро-**, развившимся из праславянского **-ог** (Ср.ст.-сл. *крава*, польск. *krów* «корова») [21–2, 331; 22, 191], т.е. по словообразовательной модели: «основа существительного + суффикс **-никъ**».

В «Материалах» И. И. Срезневского данный термин отсутствует. Впервые упоминается в русской письменности в XVI веке. В качестве иллюстраций

приведём примеры: *Дано коровнику 2 денги, что онъ снялъ съ лошади кожду* (Кн.расх.Болд.м. (РИБ, II, 298, 1586 г.)); *На Каргачь коровницѣ на сапоги алтынъ* (Кн.расх.Обн.м., 12, 1570 г.) [20 – 2, 106].

С XVII века и до настоящего времени данная лексема расширяет свою семантику и используется в русском языке со значениями: «1. хлев для скота, 2. скотник, ухаживающий за скотом, за коровами, 3. коровенный двор», что отмечено в «Словаре русского языка XI–XVII вв.»: *А хоромъ намъ досталос<ь> на два жеребѣ двѣ горницы старыя... да поварня старая ж подле мылны и с коровникомъ да погребъ среди двора* (Строг.столб.1578); *Въ 16 день принеси старецъ Нифинтъ рубль шестнатцать алтынъ четыре денги, что продалъ въ Задолжѣя коровнику Ортюшкѣ крестьянскую кобылу* (АЮБ. II, 280, 1607 г.); *Вино поставлено въ коровницѣ* (АЮ, 1615) [19–2, 106]. В этот период употреблялись синонимичные однословному НЛ *коровникъ* составные наименования с опорными словами *пастухъ* и *человекъ*: *коровий пастухъ* и *коровленный человекъ* со значением «имеющий корову, коровник», что отражено в памятниках русской письменности, например: *Коровьго пастуху Фомки Прокопьеву въ лѣтней посебной наемъ... дано полослины ячменю* (Кн.прих.-расх. Бир.с.) Арх.Он., 1692 г.); *Въ дву монастырехъ да въ селѣ 57 келей, а въ нихъ живутъ сарицы черноризницы, да 12 дв<оров> коровленныхъ дворовыхъ людей, да въ селѣ же и въ деревняхъ 5 дв<оров> монастырскихъ* (Кн.п.Моск., I, 82, XVI в.). [19–2, 106]. В «Толковом словаре» В. И. Даля лексема *коровникъ* фиксируется со значениями: «дядгель, дягильник», *verbascum* «вербник, царская свеча», «хлев для коров, закута», «прислужник за коровами, за скотом» [14–2, с. 167], в «Словаре русских народных говоров» – со значениями: «1.пастух, пасущий коров» (Ворон., 1958, Курск., Ряз.. Смил., Новг.); 2. «тот, кто ухаживает за коровами» (Твер., Моск.); 3. «Скупщик скота в дореволюционной России» (Арх. 1878, 1907) [17–14, 353]

В словарях современного русского языка слово *коровник(ца)* также отмечается с лексическими значениями: «м.р. помещение, хлев для коров и быков»;

коровница – с пометой «устаревшее» «женщина ухаживающая за коровами, скотница»: *Филушка явилась в обитель, как к себе домой, «сама выбрала себе место в скотной избе, где жили коровницы* [19–2, 106; 15, 299].

Овчарь, овчухъ. Так в исследуемую эпоху именовался тот, кто разводил овец, ухаживавший за ними; пастух овец. Древнеславянское образование **овчарь** возникло с помощью суффикса **-арь** от основы существительного *овца* праславянского по происхождению / Ср.: др.-рус. овца, праслав. ovьса, др.-инд. aviká, лтш. avs, лат. ovīs «овца» [16–2, 636; 22, 270], т.е. по словообразовательной модели: «основа существительного + суффикс **-арь**». Термин **овчухъ** начинает использоваться в русском языке с XI века со значением «овчар, пастух овец», что отражено в памятниках писенности, например: *И приступи торчинъ, именемъ Беринди, овчухъ Стѣполчъ, держа ножъ и хатя ударити в око* (Лавр.л., 261, 1097 г.) и в «Материалах» И. И. Срезневского: *Овчиха своеа помози сподоби^ле* (Псал. толк. Федрт. пс. XXXIII. 7 толк.) [20–2, 598].

С XVII века данная лексема расширяет свою семантику и используется в русском языке со значением «тот, кто разводит овец, ухаживает за ними; пастух овец; овчарня». Приведём некоторые контексты в качестве иллюстраций: *У скотника Федора Мураховца челядника Демка овчари два вола двѣсти овецъ* (Баг.Мат., 88, 1680 г.) [19–12, 229]; *Да на дворѣ хоромъ изба жила да клет<ь> с прихлѣтомъ пластинное до миеничника, да клет<ь> липоволь с овчюхомъ* (Отказн. кн. южновеликорус., 182., 1636 г.) [19–12, 230].

Начиная с XVIII века и до настоящего времени термин **овчар** употребляется в русском языке со следующей семантикой. Так, в «Толковом словаре» В. И. Даля он фиксируется со значением «овцевод, занимающийся ими при хозяине; овчий пастух (с пометой стар.)», также В. И. Даль отмечает термин **овчухъ**, употребляющийся в Воронежской области со значением «клещ, влияющийся в овец» [14–2, 641]. В современных словарях русского языка слово **овчар** также

отмечается с лексическим значением: «работник, ухаживающий за овцами» [15, 457; 18–2, 583].

В XVII веке параллельно с термином **овчарь** использовался в русском языке термин **овечникъ (овешникъ)** с тем же значением «тот, кто ухаживает за овцами», например: *Дано коровнику и коровницѣ по самогамъ по пришивамъ... дано овешнику рукавицы верхницы надолонки ветхие* (А. Уст., II, 273, 1668 н.) [19–12, 222].

Говядарь (Говедарь). Неологизм XVI века **говядарь** образован с помощью суффикса **-арь** от основы многозначного существительного *говядо* («бык», «рогатый скот»; «стадо быков») [20–1, 530; 16–1, 136]. В «Материалах» И. И. Срезневского выделяется одно значение НЛ **говедарь** – «пастух, пасущий крупный рогатый скот»: *Пастырь и говедарь сгождаю свѣрѣли*. (Гр. Над. съ толк. Ник. Ир. XVII в.) [20–1, 530].

В текстах XVI–XVII вв. употребляется в двух значениях: «1. пастух, пасущий крупный рогатый скот: 2. торговец скотом»: *И. Ромъ и Ромель житие имѣста с пастырни и говедари* (Хроногр. 1512 г., 226); *Воздвизцаеть бѣ нѣкоего отъ християнского народа мужа, рода не славна, но смысломъ мудра, его же прозваніе нарицаху Козма Мининъ, художествомъ бѣше прежде говядарь* (Ин.Сказ., 127, XVII в.) [25].

В дальнейшем на протяжении развития русского языка в семантической структуре производного НЛ **говядарь** сохраняются оба значения. Так, словарь В. И. Даля фиксирует значения «гуртовщик, погонщик, нагульщик скота и скотопромышленник» [14–1, 364]. В современном языке лексема не сохранилась, и в диалектной лексике не отмечена.

В лексической системе русского языка исследуемого периода НЛ **говядарь (говедарь)** в первом значении «пастух крупного рогатого скота» синонимично древнерусскому **волухъ** – «погонщик, пастух крупного рогатого скота» [19–3, 13]. Например: *Двалмы же и волцеи*. (Сильв. Ант. вопр. оп. II (2), 147, 1512 г.).

Ослярь – «погонщик ослов» [19–13, 111] – образовано с помощью суффикса **-ярь** от основы существительного *осѣль*, старославянского происхождения [21–3, 206; 22, 279], т.е. по словообразовательной модели: «основа существительного + суффикс **-ярь**». И. И. Срезневский в «Материалах» лексему **ослярь** не отмечает.

Термин впервые начинает использоваться в русском языке XVII века, например: *Ослопась, ослярь* (Влх. словарь, 149, XVII в.) [19–13, 111].

В XVII веке параллельно с термином **ослярь** употребляются варианты НЛ **ослопась** и **осельникъ** с таким же лексическим значением «погонщик ослов» [19–13, 84, 109]: *И въставъ въ тѣ час и срѣте осельники идее с ними, домде же страны Сурьские* (Ж. Ал. чел. бож., 477, XIV – XVII вв.).

В «Толковом словаре» В. И. Даля отмечена лексема **ослопась** со значением «погощик, либо пастух ослячий» [14–2, 695]. В толковых словарях современного русского языка лексема не употребляется.

Неологизм XVII века НЛ **отарщикъ** «пастух, табунщик» образовано с помощью суффикса **-щикъ** от основы существительного *отара* тюркского происхождения [21–3, 169; 16–1, 668] т.е. по словообразовательной модели: «основа существительного + суффикс **-щикъ**». И. И. Срезневский в «Материалах» лексему **отарщикъ** не отмечает. Термин впервые начинает использоваться в русском языке XVII века. Приведём примеры из памятников письменности изучаемого времени: *Послании к гѣдрю к Москве въ конной станице в отарщикахъ у гѣдрвых лошадей* (Астрах.а.№1166, ест. 2., 1629 г.); *А лошадъ ево, конъ мухортъ ... отданъ пасти... отарщику Олешке Чистенскомъ* (Астрах. а. № 2310, ест.19, 1651 г.) [19–13, 180].

Параллельно с однословным НЛ **отарщикъ** в письменности XVII века употребляется аналитическое наименование **отарные люди** в значении «люди, обслуживающие табуны лошадей» [19–13, 181], например: *И февраля жъ де въ 16 де он Дмитрий зъ животинными стадами и съ отарными людьми и съ ихъ*

отраными телѣгами пришли на урочище на городище блиско Волги (Астр.а.; 1552, ССТ.1., 1664 г.).

Термин *отарицикъ* отмечен в «Толковом словаре» В. И. Даля с семантикой «пастух при отаре» [14–2, 709]. В лексикографических источниках последующих периодов слово не фиксируется.

Пастухъ. Общеславянское НЛ *пастухъ* «тот, кто пасет скот», производное от основы праславянского глагола *паст* с помощью суффикса *-ухъ* [22, 291], впервые зафиксировано в письменности XI в.

В «Материалах» И. И. Срезневского выделяются два его значения: «пастух, сторож стада» и «наставник, руководитель, пастырь» [20–2, 886]. Употребление НЛ *пастухъ* в прямом и производном значениях отражают уже памятники ранней древнерусской письменности: *И пастухи бѣяху въ той же страѣ бѣдяще и стрѣюще стражу ноцѣную* (Лук., II, 8. Остр.ев., 250, 1057); *црѣѣ пастоуха наречет людѣмъ* (Изб.1073 г.) [20–2, 886]. Там же, в «Материалах» И. И. Срезневского зафиксирован деминутив *пастушькъ* (уменьшительное от *пастухъ*), адъективный дериват с суффиксом *-ск-* *пастушьскій* – например: *Мы бо акты дѣтъца или пастоушьци тѣнѣкл. Тръстьцею свиримъ* (Златостр. XII в.) [20–2, 886].

С XV века данная лексема расширяет свою семантику «используется в русском языке со значениями «пастух», «правитель, предводитель религиозной общины»; «вожак (стада)». Приведём некоторые контексты в качестве иллюстраций: а) *Нынѣ пасту(х)ъ и коровник трости рѣжающе пасту(ш)ские сдѣловаю(т)* (ГБ XIV, 82 а.-б); *Насонку, теля<ь>ю полѣтному пастуху дано ему 10 ал<тын> 10 де<нег>* (Кн.расх.Свир.м., №6, 213, 1615-1631 гг.); *Потомъ и самъ за ними, яко пастушокъ, Христовы овечки въ овчарникъ погони* (Ав.кн.толк., 539, XVII-XIII вв. ~ 1667 г.) [19–14, 167].

Гоницикъ. НЛ *гоницикъ* «погонщик» образовано с помощью суффикса *-щикъ* от основы глагола *гонить...*, т.е. по словообразовательной модели: «основа глагола + суффикс *-щикъ*».

Со значением «погонщик» впервые лексема **гонщикъ** начала употребляться в русском языке с XVII в., что отмечено в «Словаре русского языка XI–XVII вв.»: *Исачко Федоровъ Кривошюкъ, животинной гонщикъ, старинной посаду<к>ой челоуѣкъ* (А. закл., 159, 1643 г.) [19–4, 86].

Начиная с XVIII века и до настоящего времени термин **гонщикъ** сохраняет своё значение и в то же время его семантика несколько расширяется: «кто что гонит, особ. о гонке, сидке вина, дегтя». Это значение фиксирует В. И. Даль в своём «Толковом словаре» [14–1, 375]. В «Словаре русского языка» лексема **гонщикъ** отмечена со значениями: «1. участник спортивных гонок; 2. погонщик скота; гуртовщик; 3. человек, занимающийся сплавом леса»: *Гонщики с длинными пеньковыми кнутами ехали верхом на лошадях, не давая скотине разбредаться* [18–1, 340].

Доилецъ. Для обозначения лица, занимающегося дойкой домашних животных, в русском языке XVII века употреблялся термин **доилецъ**. Общеславянское образование **доилецъ** возникло с помощью суффикса **-ецъ** от основы глагола *доить* (Общеслав. имеет соответствия в др.и.-е. языках) [22, 112].

Термин **доилецъ** впервые упоминается в памятниках русской письменности с XIV века. Так в «Материалах» И. И. Срезневского данный термин отмечен в форме женского рода **доилица** со значением «кормилица»: *Призову ты жену доилицю* (Исх.1.7.посп. XIV в.) Также И. И. Срезневский в «Материалах» фиксирует форму **доитель**: *и бѣдѣтирѣ доителе твои и кнѣзинѣ кѣрмителе тви* (Ис. XLIX. 23. (Упыр.)) [20–1, 760].

Данная лексема **доилецъ** фиксируется и в «Словаре русского языка XI – XVII вв.». В качестве иллюстраций приведём пример: *Татарский царь держитъ 10000 кобылицъ, особно про его црской обиходъ молоко доять, а пастуховъ и доильцовъ тѣх кобыл 10000* (Козм., 342.1670 г.) [19–4, 288]. В «Толковом словаре» В. И. Даля употреблён термин **доильникъ**, а также **доильщикъ** со значением «удойщик, кто доит коров, ходит за удоем» [14 – 1, 455].

В современном русском языке в силу экстралингвистических факторов агентивное значение закрепилось за некоррелятивным по роду производным существительным женского рода *доильщица* – «работница, которая доит коров» [18–1, 418], а также за родовыми коррелятами (коррелятивными по признаку пола) однокоренными НЛ фразеологической семантики *доярка* – *дояр*, ср. интерпретации их лексическое значение в МАС: *доярка* – «работница, которая доит коров и ухаживает за ними»; *дояр* – «работник, который доит коров и ухаживает за ними» [18–1, 462]. Значение которых описывается дефиницией связанной отношениями словообразовательной конверсии за однокоренными дериватами мужского рода *доильник*, *доильщик* – предметные значения с инвариантом «сосуд, емкость, предназначенный для дойки или хранения молока». В «Словаре русских народных говоров» фиксируется в трёх значениях: **1.** м.р. подойник (Каляз.Твер., 1904 г.); **2.** ж.р. глиняный подойник (Холмогор. Арх. 1896 г.); **3.** небольшое ведро с крышкой для хранения молока и ношения его на продажу (Холмогор. Арх. 1907 г.) [17–8, 95].

Гулебицкь – «тот, кто занимается охотой, рыболовством или скотоводством в отъезде, кочуя». Например: *Которые де гсдрвы астраханские русские люди и татаровня гулебицики гуляют по степи за зверемъ и на рыбных ловлях и у животных стад и огни де [калмыки] ихъ побивают и в полон емлют* (Астрах.а.№2795. 1653 г.) [24]. Это же значение отмечено и в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» [19–4, 155]. Данное наименование является общеславянским [22, 99] и образовалось с помощью суффикса **-щикъ** от основы глагола гулять т.е. по словообразовательной модели: «основа глагола + суффикс **-щикъ**».

Анализируемая лексема фиксируется В. И. Далем в «Толковом словаре» со значением «пастух при гулевом, нерабочем скоте; стадо это местами пасётся отдельно» [14–1, 407]. В современном языке слово не употребляется.

Коноваль – «знахарь, лекарь: человек, смотрящий за лошадьми, занимающийся их лечением и холощением, коновал». Образовано способом

сложения основы существительного *конь* (праславянского происхождения) и корня глагола *валить* (по корню праславянского происхождения) [21–2, 311; 22, 188], т.е. по словообразовательной модели: «основа существительного + корень глагола».

В «Материалах» И. И. Срезневского данный термин отсутствует. Впервые упоминается в русской письменности XVII века, например: *И тебе бы выпустить ж кайдалъ Федосейка коновала и велить ему всех лошадей пересмотрить, и которая занемогла, и техъ велеть лечить* (Хоз.Мор., II, 75, 1652 г.) [19–7, 412].

Лексикографическая литература XIX отражает семантическое развитие лексемы *коноваль*: в «Толковом словаре» В. И. Даля фиксируется оценочное значение «простой, неучёный конский лекарь», здесь же представлены производные *коновальский* со значением «им вообще свойственный», *коновальный* – «к ним относящийся, либо к коновальству принадлежащий»; *коновалить* – «заниматься и промыслять коновальством» [14–2, 156]; в словарях современного русского языка значение НЛ *коновал* описывается дефиницией «знахарь, лечащий лошадей»: *К Чапаеву из деревни приехал знакомый мужичок, известный «коновал», промышлявший ветеринарным ремеслом* [18–2, 90].

Отношения словообразовательной производности агентивных и предметных имен существительных на **-ник** не идентичны: предметные дериваты формально и семантически непосредственно связаны с отглагольными адъективами, образованными при помощи суффикса **-льник** и выражающими словообразовательное значение «предназначенный для исполнения действия, названного производящим глаголом» [10–1, 50], и опосредованно – с их производящими глаголами; агентивные имена существительные формально и семантически связаны с производящим глаголом. Предметные субстантивы оформляет деривационный аффикс **-ик**, личные субстантивы – аффикс **-ник**.

По способу номинации НЛ, занимающихся животноводством, подразделяются на три несопоставимые в количественном отношении подгруппы: а) аффиксальные производные НЛ; б) композитные НЛ; в) аналитические НЛ.

Аффиксальные НЛ образуют самую большую подгруппу; композитные и аналитические номинации – примерно одинаковые малочисленные подгруппы (около 9 процентов каждая от общего количества НЛ в лексике животноводства).

Таким образом, динамические процессы неологизации рассмотренной группы личных наименований на протяжении исследуемого периода связаны с выделением доминантных НЛ из ряда синонимических номинаций в результате семантических и стилистических изменений в паре производящее – производное. Как показывает проведенный анализ, на протяжении исследуемого периода в составе тематической группы наименований лиц, занимающихся животноводством, произошли изменения в частности обогащение анализируемой подгруппы НЛ, преимущественно словообразовательными инновациями, получившими отражение в текстах памятников письменности XVI–XVII вв. Обогащение рассмотренной подгруппы НЛ инновациями указанного типа еще раз свидетельствует об активном развитии словарного состава русского языка исследуемого периода в целом и ономаσιологической категории деятеля в частности.

Производные наименования составляют основную часть словаря в развитых языках мира, поэтому необходимо их изучать, так как разработка проблем семантики производных номинаций позволяет определить закономерности образования и тенденции развития значительной части словарного состава изучаемого языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азарх, Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка / Ю. С. Азарх. – М. : Наука, 1984. – 247 с.
2. Вахитов, С. В. Производные наименования со значением лица в русском языке XI–XVII вв. : (мотивационный аспект) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 «Русский язык» / Вахитов Салават Венерович. – Волгоград, 1994. – 19 с.
3. Гончаров, В. И. Лексика промыслов в русском языке XVII в. (рыбная ловля, охота) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 «Русский язык» / Гончаров В. И. ; Киевский гос. пед. институт имени А. М. Горького. – К. : Изд-во КГПИ им. А. М. Горького, 1982. – 25 с.

4. Данькова, Т. Н. Истоки сельскохозяйственной лексики / Т. Н. Данькова // Русская речь. – 2009. – № 5. – С. 85–88.
5. Железнова, Р. В. Из истории существительных агентивно-профессиональной семантики в русском языке : автореф. дисс. ... докт. филол. наук : 10.02.01 «Русский язык» / Железнова Роза Васильевна ; Санкт-Петербург. ун-т. – СПб, 1992. – 32 с.
6. Закупра, Ж. А. Номинация лица по профессии в памятниках письменности русской народности XIV–XVI веков (строительное дело и ремесло) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 «Русский язык» / Закупра Ж. А. ; Киевский гос. пед. ин-тут им. А. М. Горького. – К., 1990. – 24 с.
7. История лексики русского литературного языка конца XVI – начала XIX века / отв. ред. Ф. П. Филин. – М. : Наука, 1981. – 374 с.
8. Ковалик, И. И. Смысловая структура производного слова / И. И. Ковалик // Актуальные проблемы лексикологии : сб. научн. трудов. – Минск, 1970. – С. 98–99.
9. Кровицька, О. В. Семантична та словотвірна характеристика назв осіб у пам'ятках української мови XVI–XVIII століття : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 «Українська мова» / Кровицька Ольга Василівна ; НАН України, Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича. – Львів, 1995. – 22 с.
10. Русская грамматика : в 2 т. / АН СССР, Ин-тут русского языка ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 784 с.
11. Теркулов, В. И. Слово и номинотема: опыт комплексного описания основной номинативной единицы языка / В. И. Теркулов. – Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 2007. – 240 с.
12. Хохлачева, В. Н. Словообразование существительных со значением лица / В. Н. Хохлачева // Прокопович, С. Н. Суффиксальное словообразование существительных в восточнославянских языках XV–XVII вв. / С. Н. Прокопович, В. Н. Хохлачева, Н. Т. Шелихова. – М. : Наука, 1974. – С. 11–58
13. Шкатова, Л. А. Развитие ономаσιологических структур (на примере наименований лиц по профессии в русском языке) : монография / Л. А. Шкатова. – Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1984. – 150 с
14. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль ; под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. – Репринтное воспроизведение издания 1903–1909 гг. – М., 2000. – Т. 1–4.
15. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / Сергей Иванович Ожегов ; гл. ред. С. П. Обнорский : 50000 слов. – М. : Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1949. – XVIII, 968 с.

16. Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка : в 2 т. / А. Г. Преображенский. – М. : Типография Г. Лиссиера и Д. Совко, 1910–1914.

17. Словарь русских народных говоров / АН СССР, Ин-т русского языка ; под ред.: Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, И. А. Попова. – М. : Л. : Наука, 1965–2004.

18. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : АН СССР, 1981–1984. – Т. 1–4.

19. Словарь русского языка XI–XVII вв.: указатель источников в порядке алфавита сокращенных обозначений / АН СССР, Ин-т русского языка ; сост. С. Ф. Геккер. – М. : Наука, 1975.

20. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. – М. : Императорская Академия наук, 1893–1912. – Т. 1–3.

21. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1987. – Т. 1–4.

22. Цыганенко, Г. П. Этимологический словарь русского языка : более 5000 слов / Г. П. Цыганенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – К. : Рад. школа, 1989. – 511 с.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

А. закл., 159, 1643 г. – Сильванский, Н. П. Акты о посадских людях-закладчиках / Николай Павлович Сильванский. – СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1909. – XXI, [1], 276 с.

24. Астрах. а. № 2795. 1653 г. – Акты Астраханской воеводской избы XVII в. // ЛОИИ. Ф.178.

25. Ин. Сказ., 127, XVII в. – Так называемое Иное Сказание // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. – Изд. 3-е. – Л., 1925. – Стлб. 1–144. – (Русская историческая библиотека, т. 13, вып. 1).

26. Пск. Суд. гр. 3, XVI ~ XV вв. – Псковская судная грамота. – СПб. : Император. Археогр. Комис., 1914. – VIII, 28 с., [1] факс. : табл.

27. Хроногр. 1512 г., 226 – Русский хронограф : хронограф редакции 1512 г. // Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою Комиссиею. – СПб., 1911. – Т. 22, ч. 1.

28. Яросл. п. кн., 335, XVII в. – Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. // Тр. Яросл. учен. архивн. комис. – Ярославль, 1913. – Кн. 6, вып. 3 и 4.